

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 138

(Юль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцелярии

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Душевныя болѣзни.—Въ чемъ истинное просвѣщеніе? *Діак. I. В—ва.*—Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе. *К. Пискуль.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ.

Явлюся я, что ты не знаешь душевныхъ немощей и болѣзней. Развѣ ты не чувствуешь ихъ, и потому вопрошаешь: *какія-де душевныя болѣзни?* Малая ли болѣзнь слѣпота, которая лежитъ на душевныхъ очесахъ и не допускаетъ человѣка Бога, судьбъ и чудесъ Его видѣти, и своего бѣдствія и окаянства не познавать? Малая ли болѣзнь—глухота, что душа не слышитъ гласа Божія? Сколько душу ударяетъ гласъ Божія слова, но она не слышитъ того. Малая ли немощь—гнѣвъ, который, какъ лихорадка тѣло, душу сокрушаетъ? Смотри на человѣка гнѣвающагося: какъ весь трясется. Когда тое на тѣлѣ видится, чтò уже въ души дѣлается? Зависть, ненависть и злоба, какъ чахотка тѣло, душу снѣдаютъ такъ, что и тѣло блѣднѣетъ и истаяваетъ отъ злыхъ тѣхъ болѣзней. Словомъ, столько немощей и болѣзней въ души, сколько грѣховныхъ и вредныхъ страстей. Чтò у тѣла уды, или члены, то и у души мысли. Немощно есть и болѣзнуетъ тѣло, когда немоществуютъ и болѣзнуютъ члены его: немоществуетъ душа, когда у нея худшія мысли суть. Тако уязвилъ душу сатана, ослѣпилъ очи ея, и не видитъ свѣта Божія! Сего ради молится Псаломникъ: *открый очи мои, уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Псал. 118, 18). Заткнулъ уши ея, и не слышитъ слова Божія, и прочія многообразныя болѣзни нанеслъ ей, и оставилъ еле жива бѣднаго человѣка, на пути міра сего лежащаго. Сего ради пришелъ милостивый Іисусъ, да возвратитъ души здравіе. Слава милосердію Его со Отцемъ и Духомъ Святымъ!

Спасайся.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго).

ВЪ ЧЕМЪ ИСТИННОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ?

Въ настоящее время отовсюду слышатся голоса о нравственномъ возвышеніи отдѣльныхъ лицъ и народа; о проведеніи въ жизнь правды, добра и истины; о подавленіи разливашагося широкимъ потокомъ зла въ мірѣ. Взоры недовольныхъ окружающей жизнью обращаются на „просвѣщеніе“, подъ которымъ большею частію разумѣется только обширное и глубокое познаніе

силъ и законовъ природы. Въ немъ видятъ единственное средство спасенія отъ всѣхъ золъ жизни. И вотъ принимаются всѣ мѣры, чтобы пролить свѣтъ знанія во всѣ слои общества, такъ какъ на понимаемое въ такомъ смыслѣ просвѣщеніе возлагаютъ большія надежды.

Забота о народномъ образованіи—дѣло доброе и похвальное. Наука сдѣлала весьма много для человѣчества и сдѣлаетъ еще больше. Она напрягаетъ всѣ силы, чтобы подчинить власти человѣка непокорную природу. Наука заставила паръ передвигать громадныя тяжести; она воду извела изъ нѣдръ земли въ пустыни; ею скалы обращены въ роскошныя сады. Съ ростомъ образованія, несомнѣнно, поднимается и благосостояніе государствъ. Современное просвѣщеніе много сдѣлало къ облегченію нашихъ трудовъ, къ накопленію богатствъ и изысканію удобствъ жизни, за что мы ему весьма признательны и благодарны.

Но люди, въ упоеніи своими завоеваніями во внѣшнемъ мірѣ, идутъ дальше. Говорятъ, что только наука можетъ дать человѣку необходимѣйшія средства къ осуществленію его конечныхъ цѣлей,—что самый нравственный ростъ зависитъ исключительно отъ роста и успѣха знанія. Опьяненные успѣхами науки, люди уже заявляютъ, что стоитъ только дать человѣку побольше знанія, то это знаніе исцѣлитъ его отъ всѣхъ бѣдъ и приведетъ къ лучшему будущему.

Но такъ ли это? Современное просвѣщеніе способно ли облагородить человѣка,—способно ли внѣдрить въ него возвышеннѣйшія понятія и чувства, породить въ немъ чистѣйшія стремленія и правила? Въ настоящее время мы наблюдаемъ какъ будто отрадное явленіе: широкимъ потокомъ разливается повсюду народное просвѣщеніе; грамотность проникаетъ въ самыя глухія мѣстечки нашего отечества; замѣчается во всѣхъ слояхъ общества возрастающая любовь къ образовательному чтенію; меркнетъ непроглядная тьма народнаго невѣжества и суевѣрій. Но вглядываясь ближе въ жизнь современнаго общества, мнящаго себя мудрымъ и многопросвѣщеннымъ, мы совершенно не замѣчаемъ, чтобы наука сдѣлала человѣка грубаго—кроткимъ, злого—добрымъ, гордаго—смирненнымъ, жестокаго—мягкосердечнымъ. Грубость, насилія, пороки и преступленія поражаютъ насъ и теперь, во времена пара и электричества, какъ было и во времена темнаго невѣжества. Дальше внѣшняго лоска вѣжливости и приличія, подъ прикрытіемъ которыхъ совершаются вопіющія злодѣянія, современное просвѣщеніе не идетъ. И оказывается, что съ развитіемъ просвѣщенія и грамотности не поднимается уровень общественной нравственности, и что успѣхи знанія не создаютъ нравственнаго совершенства ни въ отдѣльномъ человѣкѣ, ни въ обществѣ.

Отчего это происходитъ? Оттого, что современное образова-

ніе, направленное по преимуществу на просвѣщеніе ума различными знаніями, оставляетъ въ сторонѣ другія силы духовной природы человѣка. Господствующее въ настоящее время просвѣщеніе мало, или совсѣмъ не касается человѣческаго сердца и воли, которыя, какъ и умъ, подлежатъ развитію и требуютъ упражненія. Истинное просвѣщеніе состоитъ не столько въ обогащеніи ума многоразличными познаніями, сколько въ развитіи сердца и доброй воли, проявляемыхъ въ благообразной и благочестивой жизни.

Въ мірѣ вѣщественномъ мы замѣчаемъ, что не всякій свѣтъ благотворно дѣйствуетъ на предметы. Полезенъ только тотъ свѣтъ, который согрѣваетъ и проникаетъ въ существо предметовъ, возбуждаетъ ихъ ростъ и жизнедѣятельность, каковъ свѣтъ солнечный. Такъ и въ мірѣ духовномъ. Просвѣщеніе тогда только благотворно дѣйствуетъ на разумно-свободную душу человѣческую, когда издаетъ изъ себя не одинъ блескъ разнообразныхъ знаній и хитросплетенныхъ умствованій, но проникаетъ все существо наше, возбуждаетъ въ умѣ нашемъ чистыя и святыя помышленія, въ сердцѣ добрыя чувствованія и стремленія, направляетъ волю на путь правды, добра и истины. Такое просвѣщеніе воистину облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его надъ прочими тварями, ибо *„благочестіе есть премудрость: а еже удалитися отъ зла есть видѣніе“* (Іов. 28, 28). Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли заслужить всеобщее уваженіе человѣкъ, обладающій богатствомъ всевозможныхъ знаній, но преданный страстямъ и порокамъ? Кто станетъ восхвалять человѣка съ развитымъ умомъ, но коварнаго и жестокаго? Всякому извѣстно, что въ обществѣ пользуются любовью и уваженіемъ по большей части лица не блестящіе многознаніемъ, но честные и добродѣтельные. Здравый смыслъ свидѣтельствуетъ, что только всестороннее развитіе душевныхъ силъ—ума, сердца и воли, что только просвѣщеніе, соединенное съ доброю нравственностію, имѣетъ цѣну и достоинство. Жизнь строгонравственная, проникнутая теплою любви,—вотъ что дѣлаетъ человѣка достойнымъ своего имени, а не многознаніе, которое въ большинствѣ случаевъ надмѣваетъ его: *„разумъ убо кичитъ“*,—говоритъ св. апостолъ Павелъ:—*„а любы созидаетъ“* (I Кор. 8, 1). *„Аще языки человѣческими глаголю и ангельскими“*,—поучаетъ тотъ же св. апостолъ: *„любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцающій. И аще... вѣмъ тайны вся и весь разумъ..., любве же не имамъ, ничтоже есмь“* (I Кор. 13, 1—3). Такъ по свидѣтельству Слова Божія и здраваго смысла ложно то просвѣщеніе, которое основывается только на многознаніи, а не имѣетъ въ себѣ добродѣтели, не согрѣто дѣятельною любовію къ Богу и ближнему.

Слѣдовательно, просвѣщеніе должно имѣть въ основѣ своей хрістіанскія начала. А если это такъ, то гдѣ, какъ не во Хрі-

стѣ,—гдѣ какъ не въ преклоненіи предъ Нимъ—Высшей Любовью и Совершеннѣйшей Правдой—искать намъ истиннаго просвѣщенія? Какъ для тѣлеснаго ока солнце является источникомъ свѣта, такъ и для богоподобной души человѣческой источникомъ просвѣщенія служить Христось, Свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка. „Я свѣтъ міру,—говорить о Себѣ Спаситель: кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“ (Іоан. 8, 12). Что было въ мірѣ до Христа? Люди блуждали во мракѣ язычества и суевѣрій. Ихъ жизнь была подобна жизни животныхъ. Язычествующій міръ не видѣлъ въ настоящей жизни ни смысла, ни цѣли, а въ будущую онъ не вѣрилъ. Его потребности не шли дальше изысканій временныхъ удовольствій и заботъ о личномъ благосостояніи. Личное счастье одного строилось на несчастьи многихъ, ибо нравы людей были жестоки и доходили до крайняго развращенія. Съ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя проходитъ ночь языческаго суемудрія. Христось приноситъ съ неба на землю истинный свѣтъ вѣры и боговѣднія, исходящій отъ Отца свѣтовъ, и мало-по-малу разсѣвается въ родѣ человѣческомъ пагубное духовное омраченіе: *„людіе сядящии во тмѣ, видѣшиа свѣтъ велій, и сядящимъ въ странѣ и тѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ“* (Мѣ. 4, 16). Отъ этого-то свѣта, истиннаго, свыше нисходящаго, наши познанія только и могутъ принимать надлежащую твердость, жизненность и плодоносность. Въ настоящее время весь міръ, именующій себя христіанскимъ, хвалится успѣхами просвѣщенія, гражданскимъ и нравственнымъ благоустройствомъ. И дѣйствительно, онъ отличается и превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ нехристіанскіе племена и народы. Все лучшее, что мы находимъ у послѣднихъ, заимствовано въ христіанствѣ. Сама наука (исторія) свидѣтельствуетъ, что эти успѣхи просвѣщенія и благоустройства возросли на живодѣйственныхъ началахъ вѣры Христовой подъ руководствомъ святой Церкви и богопросвѣщенныхъ учителей ея.

Къ сожалѣнію, многіе изъ христіанъ нынѣшняго времени не хотятъ по достоинству оцѣнить этого дара любви Божественной, явленной міру во Христа Спасителя. Многіе ищутъ просвѣщенія, мудрости и знаній, но хотятъ почерпать ихъ исключительно изъ земнаго источника. При помощи естественной {мудрости—житейской опытности и благоразумія—они думаютъ! создать свое и міровое счастье. По ихъ мнѣнію истины вѣры и познаніе заповѣдей не должны входить въ кругъ научнаго образованія. Они съ какимъ-то ожесточеніемъ отметаются Христа и Его ученія. Почему? Потому, что въ зеркалѣ Божественнаго Откровенія имъ непріятно видѣтъ въ себѣ искаженнаго страстями и пороками образа Божія! Истины вѣры кажутся имъ слишкомъ жестокими и строгими, такъ какъ не льстятъ ихъ развращенной природѣ,

какъ это дѣлаетъ мудрость мірская, насадителемъ которой является современный книжный рынокъ. Что за книги наполняютъ его? Содержаніе этихъ книгъ по большей части питаетъ только праздное воображеніе и возбуждаетъ въ сердцѣ постыдныя страсти. Знаніе, приобретаемое чрезъ чтеніе такихъ книгъ, развращаетъ человѣка, отравляетъ его душу, заглушая въ ней чистыя, свѣтыя и добрыя впечатлѣнія... Какая можетъ быть польза отъ такого просвѣщенія?! Кого не поражаютъ въ настоящее время горкіе плоды столь пренебрежительнаго отношенія къ свѣту Божественной мудрости? Вѣра, любовь и благочестіе не преуспѣваютъ въ родѣ человѣческомъ; рѣдѣютъ ряды вѣрныхъ слугъ Церкви, Царя и отечества; утонченные пороки и звѣрскія преступленія потрясаютъ основы общественной жизни и нравственности... Мудрость земная, значить, не можетъ служить цѣлебнымъ бальзамомъ отъ золь міра. Это—холодный блескъ луны, не согрѣвающий и не животворящій, хотя временно услаждающій наши чувства. Въ этомъ все горе нашихъ мудрецовъ. Они гонятся за мишурнымъ блескомъ преходящей мудрости человѣческой и въ своемъ ослѣпленіи попираютъ драгоценные бисеры вѣры.

Мірское просвѣщеніе услаждаетъ нашу душу, пока насъ не облегли грозныя тучи жизненныхъ бѣдствій. Во время же напастей, старости и особенно приближенія смерти человѣкъ безъ вѣры во Христа впадаетъ въ мрачное отчаяніе, ибо его мятущійся духъ не можетъ найти твердой для себя опоры. Этого никакъ не должно забывать. Рано или поздно окончится наше земное странствованіе и мы преселимся въ иной міръ для нескончаемой жизни. Для этой-то новой вѣчной жизни мы и должны предуготовлять себя, устраивая свое земное существованіе такъ, чтобы оно было естественнымъ переходомъ къ вѣчному блаженству съ праведниками. Какое же просвѣщеніе можетъ быть для насъ дорого, какъ не то, которое уравниваетъ и углаживаетъ всѣ пути земной жизни нашей и въ то же время способствуетъ достиженію вѣчной блаженной жизни на небѣ? Только просвѣщеніе, соединенное съ доброю нравственностію, способно оказать человѣку надлежащую опору во всѣхъ превратностяхъ земного существованія, ибо, по слову апостола, *„тѣлесное обученіе“*, т. е. знаніе многихъ предметовъ міра вещественнаго, силъ и законовъ природы,—*„малъ есть полезно; а благочестіе на все полезно есть, обитованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго“* (1 Тим. 4, 8).

Ищущіе „истиннаго“ просвѣщенія, конечно, желаютъ исправить въ себѣ то, что дурно и усовершенствоваться въ томъ, что хорошо. Это возможно лишь при познаніи истинъ религіозно-нравственныхъ. При свѣтѣ истинъ вѣры предъ духовными очами человѣка открывается величіе и красота добра; уясняется смыслъ

и значеніе человѣческой жизни; открывается истинный путь къ высочайшей цѣли—богоподобію, и указываются средства къ достиженію ея. Хранительницей мудрости духовной является основанная Сыномъ Божиимъ Церковь. Пастыри Церкви, вѣрные завѣтамъ Божественнаго Учителя!—*„Идите, научите“* ..., не переставайте заботиться о стадѣ Христовомъ, напаяйте его животворными струями отъ приснотекущаго источника Божественной мудрости!

Такимъ образомъ, истинное просвѣщеніе состоитъ въ единеніи „разума“ и „вѣры“. Богъ по неизреченной благодати даровалъ ихъ намъ, какъ два необходимѣйшія средства, для познанія самихъ себя и предметовъ міра вещественнаго. Поясняя и пополняя другъ друга и дѣйствуя совокупно, они способствуютъ благоустройству человѣческихъ обществъ и ихъ нравственному росту.

Братіе хрістіане! Сами стремитесь и другихъ руководствуйте не къ мнимому просвѣщенію, обогащающему нашъ умъ различными познаніями, но къ истинному и живодѣйственному, разливающему теплоту правды, добра и истины во всей нашей дѣятельности; стремитесь и руководствуйте къ просвѣщенію, которое бы служило намъ на пользу не только въ земной жизни, но и въ будущей. Почерпайте „премудрость и разумъ“ въ словѣ Божіемъ, изъ книгъ Священнаго Писанія, „могущаго умудрить каждаго во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса, полезнаго всѣмъ намъ для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тим. 3, 16, 17). Аминь.

Діак. І. В—въ.

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Окончаніе).

XXVI.

Докторъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— И вы помните, что это вѣдь не послѣ какого-нибудь обморока, а послѣ полуторасуточной летаргіи! Можете судить о силѣ этой работы, потому, что вы представляли собой замороженную кочерыжку, а спустя всего какія-нибудь пятнадцать-двадцать минутъ, ваши члены получили уже гибкость, а къ часу согрѣлись даже и конечности. Вѣдь это не вѣроятно, баснословно! И вотъ, когда я рассказываю, мнѣ отказываются вѣрить.

— А знаете, докторъ, почему это случилось такъ необычайно? сказалъ я.

— Почему?

— Вы, по вашимъ медицинскимъ понятіямъ, подъ опредѣленіемъ летаргіи понимаете нѣчто сходное съ обморокомъ?

— Да, только въ наивысшей степени...

— Ну, тогда стало-быть со мною была не летаргія.

— А что же?

— Я, стало-быть, дѣйствительно умиралъ и вернулся къ жизни.

Если бы здѣсь было только ослабленіе жизнедѣятельности въ организмъ, то тогда-бъ она, конечно, возстановилась безъ подобной „бульверсіи“, а такъ какъ тѣлу моему надлежало экстренно приготовиться къ принятію души, то и работать всѣ органы должны были тоже экстраординарно.

Докторъ съ секунду слушалъ меня внимательно, а затѣмъ лицо его приняло равнодушное выраженіе.

— Да, вы шутите; а для насъ, медиковъ, это крайне интересный случай.

— Могу васъ увѣрить, что я и не думаю шутить. Я самъ несомнѣнно вѣрю тому, что говорю, и хотѣлъ бы даже, чтобъ и вы повѣрили... ну, хотя бы для того, чтобы серьезно изслѣдовать такое исключительное явленіе. Вы говорите, что я ничего не могъ видѣть, а хотите я вамъ нарисую всю обстановку мертвецкой, въ которой я *живымъ* никогда не былъ, хотите расскажу, гдѣ кто изъ васъ стоялъ и что дѣлалъ въ моментъ моей смерти и вслѣдъ затѣмъ?

Докторъ заинтересовался моими словами, и когда я рассказалъ и напомнилъ ему, какъ все было, онъ, съ видомъ человѣка, сбитаго съ толку, промывчалъ:

— Н-да, странно. Какое-то ясновидѣніе...

— Ну, докторъ это ужъ совсѣмъ что-то не вяжется: состояніе замороженнаго судака—и ясновидѣніе!

Но верхъ изумленія вызвалъ въ немъ мой рассказъ о томъ состояніи, въ которомъ находился я въ первое время послѣ разъединенія моей души съ тѣломъ, о томъ, какъ я видѣлъ все, видѣлъ, что они хлопчутъ надъ моимъ тѣломъ, которое, по его безчувствію, имѣло для меня значеніе сброшенной одежды; какъ мнѣ хотѣлось дотронуться, толкнуть кого-нибудь, чтобы привлечь вниманіе къ себѣ, и какъ ставшій слишкомъ плотнымъ для меня воздухъ не допускалъ моего соприкосновенія съ окружающими меня предметами.

Все это онъ слушалъ, чуть не буквально разиня ротъ и слѣлавъ большіе глаза, и едва кончилъ я, онъ поспѣшилъ проститься со мной и ушелъ, вѣроятно, спѣша подѣлиться съ другими столь интереснымъ повѣствованіемъ.

XXVII.

Вѣроятно, онъ сообщилъ объ этомъ и старшему врачу, ибо этотъ послѣдній, во время визитаціи на слѣдующій день, осмотрѣвъ меня, задержался около моей койки и сказалъ:

— У васъ кажется, были галлюцинаціи во время летаргіи. Такъ вы смотрите, постарайтесь отдѣлаться отъ этого, а то...

— Могу съ ума спятить? подсказаль я.

— Нѣтъ, это, пожалуй, ужь много, а можетъ перейти въ манію.

— А развѣ бываютъ при летаргіи галлюцинаціи?

— Что-жь вы спрашиваете? Вы знаете это теперъ лучше меня

— Единственный случай, хотя бы и со мною, для меня не доказательство. Мнѣ хотѣлось бы знать общій выводъ медицинскихъ наблюденій по этому обстоятельству.

— А куда же дѣвать случай съ вами? Вѣдь это же фактъ!

— Да, но если всѣ случаи подводить подъ одну рубрику... то не закроемъ ли мы этимъ двери для изслѣдованій разныхъ явленій, различныхъ симптомовъ болѣзней, и не получится ли черезъ подобный пріемъ нежелательная односторонность въ медицинскихъ діагнозахъ?

— Да тутъ ничего подобнаго быть не можетъ. Что съ вами была летаргія — это внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдовательно и должно принять то, что было съ вами, за возможное въ этомъ состояніи.

— А скажите, докторъ: есть ли какая-нибудь почва для появленія летаргіи въ такой болѣзни, какъ воспаленіе легкихъ?

— Медицина не можетъ указать, какая именно нужна для нея почва, потому что она приключается при всякихъ болѣзняхъ, и даже бывали случаи, что человѣкъ впадалъ въ летаргическій сонъ безъ предшествованія какой-либо болѣзни, будучи по видимому совершенно здоровъ.

— А можетъ пройти самъ по себѣ отекъ легкихъ во время летаргіи, то есть въ то время когда сердце его бездѣйствуетъ и, слѣдовательно, увеличеніе отека не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для себя?

— Разъ это случилось съ вами—стало быть это возможно, хотя, вѣрите, вашъ отекъ прошелъ, когда вы уже очнулись.

— Въ нѣсколько минутъ?

— Ну, ужь не въ нѣсколько минутъ... Впрочемъ хотя бы и такъ. Такая работа сердца и легкихъ, какова была въ моментъ вашего пробужденія, можетъ, пожалуй, и ледъ на Волгѣ взломать, не то что разогнать какой угодно отекъ въ короткое время.

— А могли стѣсненные, отекиія легкія работать такъ, какъ они работали у меня?

— Стало быть.

— Слѣдовательно, ничего удивительнаго, поразительнаго въ приключившемся со мною нѣтъ?

— Нѣтъ, почему же! Это во всякомъ случаѣ... рѣдко наблюдаемое явленіе.

— Рѣдко, или въ такой обстановкѣ, при такихъ обстоятельствахъ—никогда?

— Хм, какъ же никогда, когда это было съ вами?

— Слѣдовательно и отекъ можетъ пройти самъ по себѣ,

даже когда всѣ органы у человѣка бездѣйствуютъ, и стѣсненное отекомъ сердце, и отекающія легкія могутъ, если имъ вздумается, работать на славу; казалось бы, отъ отека легкіхъ и умирать нечего! А скажите, докторъ: можетъ ли человѣкъ очнуться отъ летаргіи, приключившейся во время отека легкіхъ, то-есть можетъ ли онъ вывернуться заразъ отъ двухъ такихъ... неблагопріятныхъ казусовъ?

На лицѣ доктора появилась ироническая улыбка.

— Вотъ видите: я предупреждалъ васъ не даромъ относительно маніи-то, проговорилъ онъ.— Вы все хотите подвести бывшій съ вами случай подъ что-то другое, а не летаргію, и задаете вопросы съ цѣлью...

„Съ цѣлью убѣдиться, подумалъ я,—кто изъ насъ маніакъ: я ли, желающій выводами науки провѣрить основательность сдѣланнаго тобою моему состоянію опредѣленія, или ты, подводящій, быть можетъ вопреки даже возможности, все подъ одно имѣющееся въ твоей наукѣ наименованіе?“

Но громко я сказалъ слѣдующее:

— И задаю вопросы съ цѣлью показать вамъ, что не всякій, увидавъ порхающій снѣгъ, способенъ вопреки указаніямъ календаря и цвѣтущимъ деревьямъ, во что бы то ни стало утверждать, что стало быть зима, потому лишь, что по наукѣ снѣгъ значится принадлежностью зимы; ибо самъ я помню, какъ однажды выпалъ снѣгъ, когда по календарному счисленію значилось двѣнадцатое Мая и деревья въ саду моего отца—были въ цвѣту.

Этотъ отвѣтъ мой, вѣроятно, убѣдилъ доктора, что онъ опоздалъ со своимъ предупрежденіемъ, что я уже впалъ „въ манію“, и онъ ничего не возразилъ мнѣ, и я тоже не сталъ больше ни о чемъ спрашивать его.

XXVIII.

Я привелъ этотъ разговоръ для того чтобы читатель не обвинилъ меня въ непростительномъ легкомысліи, что я по горячимъ, такъ сказать, слѣдамъ не обслѣдовалъ научно бывшего со мною необычнаго случая, тѣмъ болѣе что произошелъ онъ при такой благопріятной для сего обстановкѣ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, на лицо были два лечившіе меня врача, два врача—очевидца всего случившагося, и цѣлый штатъ больничныхъ служащихъ различныхъ категорій! И вотъ по приведенному разговору читатель можетъ судить, чѣмъ должны были окончиться мои „научныя обслѣдованія“. Что я могъ узнать, чего добиться при такомъ отношеніи къ дѣлу? Мнѣ многое хотѣлось узнать, хотѣлось для соображеній подробно узнать и понять весь ходъ моей болѣзни, хотѣлось узнать: было ли хотя на іоту вѣроятности въ томъ, что отекъ у меня могъ всосаться въ то время, когда сердце мое бездѣйствовало и кровообращеніе, повидимому, окончательно прекратилось, такъ какъ я оконченъ? Баснѣ, что онъ прошелъ у

меня въ нѣсколько минутъ, когда я уже очнулся, одинаково мудрено было вѣрить, потому что тогда все равно являлась непонятною такая дѣятельность стѣсненныхъ отекомъ сердца и легкихъ.

Но послѣ подобныхъ вышеприведенныхъ попытокъ я оставилъ моихъ врачей въ покоѣ и пересталъ спрашивать ихъ, потому что все равно и самъ не повѣрилъ бы правдивости и безпристрастію ихъ отвѣтовъ.

Пробовалъ я и впоследствии „обслѣдовать научно“ этотъ вопросъ; но результатъ получился почти тотъ же; я встрѣчалъ такое же апатичное отношеніе ко всякимъ самостоятельнымъ „обслѣдованіямъ“, такое же рабство мысли, такой же малодушный страхъ перешагнуть за черту очерченнаго наукой круга.

А наука... Ахъ, какое тутъ постигло разочарованіе! Когда я спрашивалъ: возможно ли человѣку, впавшему въ летаргію при наступившемъ послѣ воспаленія отека легкихъ очнуться, или наблюдались ли въ медицинѣ и возможны ли по закону природы вообще такіе случаи, чтобы во время летаргій больной совершенно выздоравливалъ отъ болѣзни, весь ходъ которой и финалъ являлись по мнѣнію врачей вполне естественно и правильно наступившею смертію, мнѣ обыкновенно сразу отвѣчали отрицательно. Но сейчасъ же, при дальнѣйшихъ моихъ вопросахъ, увѣренный тонъ переходилъ въ гадательный, появлялись разныя „впрочемъ“, „знаете“ и т. п. О томъ, что это было со мною, конечно, нечего было и заикаться. Тутъ ужъ сразу, безъ малѣйшей запинки выплывало всеподданнѣйшее предъ наукой и всеобъемлющее и всеудовлетворяющее ученыхъ: „разъ это было съ вами“... и проч. И никакого недоумѣнія, удивленія, что указывало на полнѣйшее отсутствіе увѣренности и обоснованности того, что говорилось за четверть часа передъ тѣмъ. Меня, какъ не посвященнаго въ тонкости этой науки да еще на бѣду привыкшаго рассуждать, ужасно злило это и я не разъ съ горячностью спрашивалъ, ставя вопросъ ребромъ:

— Но скажите, пожалуйста: пусть летаргій явленіе рѣдкое, пусть сама она мало наблюдалась, мало изслѣдована, но неужели же въ вашихъ научныхъ законоположеніяхъ о жизни организма нельзя найти сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта на подобные вопросы?

Но тутъ приходилось убѣдиться, что это „научное законоположеніе для жизни организма“ имѣло подъ собою столько же незыблемой почвы, какъ и гипотеза о происхожденіи каналовъ на Марсѣ и бываемыхъ тамъ наводненійхъ. Да и чего ужъ было въ сущность сущностей забираться, когда даже на мой вопросъ, бывають ли (я ужъ не спрашивалъ возможны или не возможны, такъ какъ тутъ опять требовалось самостоятельное мышленіе и умозаключеніе) при летаргій галлюцинаціи, я не получилъ прямого отвѣта.

И пришлось мнѣ самому братья за собираніе тѣхъ свѣдѣній, какія я хотѣлъ найти готовыми въ наукѣ, и собиралъ я ихъ, въ особенности въ первое время, весьма усердно, во первыхъ, потому что мнѣ хотѣлось уяснить себѣ самому, что должно понимать подъ словомъ „летаргія“, глубокой ли сонъ, обморокъ, однимъ словомъ такое состояніе, когда жизнь въ человѣкѣ какъ-бы замираетъ, но не покидаетъ его совсѣмъ, или такое представленіе медицины невѣрно и въ сущности со всякимъ впадшимъ по нашимъ опредѣленіямъ въ летаргію происходитъ то же, что было и со мной. А во вторыхъ, я предвидѣлъ, конечно, то недовѣріе (откровенно говоря, совсѣмъ бессмысленное и неосновательное, такъ какъ научно нельзя вѣдь доказать невозможности такого явленія), какое будетъ встрѣчать мой рассказъ и какое онъ несомнѣнно вызоветъ и теперь и будучи самъ горячо убѣжденъ въ происшедшемъ со мною, желалъ найти подтвержденіе основательности моей убѣжденности въ наблюденіяхъ и возможныхъ изслѣдованіяхъ даннаго обстоятельства.

XXIX.

И такъ, какой же результатъ дали мои изслѣдованія, что же именно было со мной? Несомнѣнно то, что я и писалъ, то-есть что душа моя покинула на время тѣло и затѣмъ, Божіимъ опредѣленіемъ, вернулась въ него. Отвѣтъ—могущій, конечно, имѣть двойное къ себѣ отношеніе: безусловно невозможный для однихъ и вполне вѣроятный для другихъ, въ зависимости отъ внутренняго устройства, отъ міросозерцанія человѣка. Для того, кто не признаетъ существованія души, недопустимъ даже вопросъ, о какомъ-либо правдоподобіи такого опредѣленія. Какая душа можетъ отдѣлиться, когда ея и нѣтъ вовсе? Желательно только, чтобы такіе мясники обратили вниманіе на то, что-то въ человѣкѣ можетъ видѣть, слышать, однимъ словомъ жить и дѣйствовать и тогда, когда его тѣло лежитъ околоченнымъ и совершенно безчувственнымъ. А кто вѣритъ, что въ человѣкѣ, помимо физическаго состава, физическихъ отправленій есть и еще какая-то сила, совершенно отъ сихъ послѣднихъ независимая, для того въ подобномъ фактѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. А вѣритъ этому, думается, и гораздо разумнѣе и основательнѣе, ибо если не эта сила одухотворяетъ, даетъ жизнь нашему тѣлу, а сама является лишь продуктомъ дѣятельности этого послѣдняго, то тогда ужъ совершенною нелѣпостью является смерть. Чего ради долженъ я вѣрить въ логичность такихъ явленій какъ старость, разрушеніе, когда потребный для питанія и обновленія моего организма обмѣнъ веществъ въ моемъ тѣлѣ не прекращается? Когда я обращался съ моимъ рассказомъ къ духовнымъ лицамъ разныхъ іерархическихъ степеней, а между ними были и люди очень ученые, всѣ они единогласно отвѣчали мнѣ, что въ бывшемъ со

мною происшествіи нѣтъ ничего невѣроятнаго, что повѣствованія о подобныхъ случаяхъ имѣются и въ Библии, и въ Евангеліи, и въ житіяхъ святыхъ, и въ Своихъ благихъ и премудрыхъ цѣляхъ Господь допускаетъ иногда такіа предвосхищенія души, даетъ по мѣрѣ ея способностей—одной созерцать больше, другой меньше изъ того таинственнаго міра, въ который всѣмъ намъ предстоитъ неизбѣжный путь. Прибавлю здѣсь отъ себя, что иногда цѣль такихъ откровеній бываетъ сразу ясна и понятна, иногда остается сокрытою и даже настолько, что откровеніе кажется какъ бы безпричиннымъ, ничѣмъ не вызваннымъ, и иногда лишь черезъ долгій промежутокъ времени или какими нибудь кружными путями обозначается его необходимость.

Такъ въ перечитанной мною литературѣ по этому предмету я попалъ на случай, гдѣ только для правнука подобное обстоятельство явилось грознымъ и столь властно, неотразимо воздѣйствовавшимъ на него предостереженіемъ, что онъ не колеблясь отказался отъ самоубійства, отъ котораго дотолѣ ничто не могло предотвратить его. Очевидно, въ родъ этотъ необходимо было пролить такое знаніе, но кромѣ прабабки спасеннаго этимъ знаніемъ юноши, вѣроятно, никто не способенъ былъ воспринять его, и оттого и легъ такой долгій промежутокъ времени между откровеніемъ и его примѣненіемъ. Такова духовная, религіозная сторона этого обстоятельства. Перейдемъ къ другимъ. Здѣсь я встрѣтилъ много такого, что могло лишь подтвердить мою вѣру, и ничего такого, чтобы ее опровергло.

XXX.

Прежде всего изъ всякихъ справокъ и всего перечитаннаго мною по этому предмету я узналъ, что галлюцинаціи въ летаргій и по существу быть не можетъ, что впавшій въ летаргическій сонъ обыкновенно или ничего не слышитъ и не чувствуетъ, или чувствуетъ и слышитъ лишь то, что въ дѣйствительности происходитъ вокругъ него, и медицинское наименованіе, такого состоянія „сномъ“ совершенно неправильно. Это скорѣе какое-то оцѣпенѣніе, парализація или какъ еще подходяще выражается нашъ простой народъ „обмираніе“, которое въ зависимости отъ степени его силы иногда распространяется на всѣ мельчайшія отправления, на всю тончайшую работу организма, и въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, ни о какихъ сновидѣніяхъ и галлюцинаціяхъ рѣчи быть не можетъ, такъ какъ всякая дѣятельность мозга бываетъ такъ же парализована, какъ и прочихъ органовъ. При болѣе же слабой степени оцѣпенѣнія больной чувствуетъ и сознаетъ все вполне правильно, мозгъ его находится въ совершенно трезвомъ состояніи, какъ у бодрствующаго и совершенно трезваго человѣка, и, слѣдовательно, этому страшному недугу совѣмъ несвойственно, даже и въ ма-

лой мѣрѣ, на подобіе хотя бы сна или легкаго забытья, омрачать сознаніе.

Далѣе несомнѣнно вѣскимъ, хотя быть можетъ и не для людей „положительныхъ“ наукъ, но для людей просто со здоровымъ смысломъ и трезвымъ отношеніемъ къ вещамъ, доказательствомъ того, что бывающія въ подобныхъ приключившимся со мною обстоятельствахъ видѣнія не суть бредъ, галлюцинація, а дѣйствительно ими пережитое, служить ихъ сила и реальность. Думаю каждый изъ насъ знакомъ съ какими нибудь яркими сновидѣніями, бредомъ, кошмаромъ и тому подобными явленіями, и каждый по себѣ можетъ провѣрить, насколько продолжительны обыкновенно бываютъ оставляемые ими впечатлѣнія. Обыкновенно они блѣднѣютъ и разсѣиваются вслѣдъ за пробужденіемъ, если дѣло идетъ о сновидѣніи или кошмарѣ, или при наступившемъ переломѣ къ выздоровленію, въ случаѣ бреда, галлюцинацій. Достаточно человѣку прійти въ себя, какъ онъ сейчасъ же отдѣляется отъ ихъ власти и сознаетъ, что это былъ бредъ или кошмаръ. Такъ я зналъ одного горячечнаго, который, спустя часъ послѣ кризиса, со смѣхомъ рассказывалъ о пережитыхъ имъ страхахъ въ бреду; не смотря на очень сильную еще слабость, онъ уже смотрѣлъ на едва минувшее глазами здороваго человѣка, сознавалъ, что это былъ бредъ и воспоминанія о немъ не вызвали уже въ немъ страха. Совсѣмъ иное то состояніе, о которомъ я веду рѣчь. Я никогда ни на одно мгновеніе не усомнился въ томъ, что все видѣнное и испытанное мною въ тѣ часы, которые протекли, выражаясь языкомъ докторовъ, отъ моей „агоніи“ и до „пробужденія“ въ мертвецкой, были не грезы, но столь же реальная былъ, какъ и моя теперешняя жизнь и окружающая обстановка. Меня всячески старались сбить съ этой увѣренности, оспаривали подъ часъ даже и до смѣшнаго, но можно ли заставить усомниться человѣка въ томъ, что для него такъ же дѣйствительно и памятно, какъ прожитый вчерашній день. Попробуйте увѣрить его, что онъ вчера спалъ весь день и видѣлъ сны, когда онъ отлично знаетъ что пилъ чай, обѣдалъ, ходилъ на службу и видѣлъ извѣстныхъ людей.

И замѣйте, что я здѣсь не представляю исключенія. Прочитайте или прослушайте повѣствованія о такихъ случаяхъ и вы увидите, что подобныя откровенія загробнаго міра имѣли иногда очевидно, чисто личную цѣль и въ такихъ случаяхъ лицу, получившему ихъ, запрещалось рассказывать о видѣнномъ (въ извѣстной части) другимъ, и хотя бы это лицо проживало послѣ того десятки лѣтъ, какой бы это ни былъ легкомысленный, слабохарактерный и болтливый человѣкъ ни ради чего, ни даже самымъ близкимъ и дорогимъ ему людямъ онъ не открывалъ ввѣренной ему тайны. Изъ этого ясно насколько свято было для него полученное приказаніе и что оно во всю жизнь стало быть

сохраняло характеръ несомнѣнной дѣйствительности, а не продукта его разстроеннаго воображенія. Извѣстно также, что послѣ подобныхъ случаевъ, отъявленные атеисты становились и оставались во всю послѣдующую жизнь глубоковѣрующими людьми.

Что же это за странность, что за исключительность такая? Какимъ образомъ вполне здоровый человѣкъ, какимъ, наприкладъ, я знаю себя, можетъ, вопреки общему закону для подобныхъ вещей, во всю жизнь оставаться подъ воздѣйствіемъ какого-то кошмара, галлюцинацій, и даже больше того: какъ, что либо подобное можетъ измѣнить его самого, его міросозерцаніе, когда и житейскій опытъ и самыя ошеломительныя катастрофы въ этой нашей *дѣйствительной* жизни сплошь и рядомъ являются безсильными произвести подобную перемѣну въ человѣкѣ?

Очевидно, тутъ дѣло не въ летаргіи и галлюцинаціяхъ, а въ дѣйствительно пережитомъ и испытанномъ. И принимая во вниманіе общую склонность людей къ забвенію, вслѣдствіе чего сложилась и фраза: „время исцѣляетъ все“, всякія потери, пережитыя катастрофы, сердечныя раны, не доказываетъ ли такая необычайная, исключительная памятьливость, что пережившій подобное происшествіе человѣкъ дѣйствительно переступилъ чрезъ ту грозную для насъ и величайшаго значенія грань, за которой времени и забвенія уже не будетъ и которую мы называемъ смертью.

XXXI.

Нужно ли повторять здѣсь и всѣ другія необычайности бывшаго со мною происшествія? Куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣвался мой отекъ—и отекъ, какъ должно думать, очень значительный, если у меня сразу такъ понизилась температура и онъ такъ залилъ мои легкія, что я ничего не могъ выхаркать, не смотря на всѣ способствующія тому средства и хотя грудь моя была переполненна мокротой? Какъ разошелся, во что всосался онъ, когда я кровь у меня застыла? Какимъ образомъ могли такъ сильно и правильно заработать мои отеки легкія и сердце, если отекъ оставался у меня до пробужденія? Очень мудро при наличности такихъ условій вѣрить, чтобы я могъ очнуться и остаться живымъ не чудомъ, а естественнымъ путемъ. Не очень-то часто выпутывается больной изъ отека легкиихъ, даже и при болѣе благоприятной обстановкѣ. А тутъ, нечего сказать, хороша обстановка: медицинская помощь оставлена, самого обмыли, нарядили и вынесли въ нетопленную мертвецкую! И потомъ что же это за непостижимое явленіе? Я видѣлъ и слышалъ не какія нибудь созданія моей фантазіи, а что въ дѣйствительности происходило

въ палатѣ, и отлично понималъ все это, стало быть я не бредилъ и вообще былъ въ полномъ сознаниі, и въ то же время, имѣя умственные способности въ порядкѣ, я вижу, чувствую и сознаю себя раздвоившимся,—вижу лежащее на койкѣ свое бездыханное тѣло и вижу и сознаю, помимо этого тѣла, другого себя и сознаю странность этого обстоятельства и понимаю всѣ особенности новой формы моего бытія. Потомъ я вдругъ перестаю видѣть, что происходитъ въ палатѣ. Почему же? Потому ли что умственная дѣятельность моя погружается въ настоящую Нирвану, что я окончательно теряю сознание? Нѣтъ, я продолжаю видѣть и сознать окружающее меня и не вижу происходящаго въ больничной палатѣ только потому, что я *отсутствую*, а какъ возвращусь, я снова по прежнему буду видѣть и слышать все, *но уже не въ палатѣ, а въ мертвецкой*, въ которой я при жизни никогда не былъ. Но кто же это могъ отсутствовать, если въ человѣкѣ нѣтъ, какъ самостоятельнаго существа, души? Какъ могла отдѣлиться совершенно душа отъ тѣла, если здѣсь не произошло того, что на нашемъ языкѣ называется смертью? Да и какая бы охота была мнѣ, въ нашъ вѣкъ невѣрія и отрицанія всего сверхчувственного говорить о такомъ невѣроятномъ фактѣ и доказывать его истинность, если бы все не произошло и не было для меня такъ явственно, осязательно и несомнѣнно? Это естественная потребность человѣка, не вѣрующаго только, но увѣреннаго,—увѣреннаго въ истинности православнаго ученія о смерти, исповѣдь человѣка чудеснымъ образомъ излѣченнаго отъ бессмысленнаго, грознаго и слишкомъ распространеннаго въ наше лукавое время недуга невѣрія въ загробную жизнь.

К. Искуль.

Сказалъ Господь устами праведнаго Авраама въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ: *если Моисея и пророковъ не послушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ—не повѣрятъ*. Пусть читатели вдумаются въ этотъ рассказъ и они убѣдятся, какъ вѣрны и непреложны эти словеса Господни и въ наше время. Люди, не слушающіе, не исполняющіе животворящихъ заповѣдей Господнихъ, въ священныхъ книгахъ, пророками и Апостолами записанныхъ, дѣлаются неспособными вѣрить и тому, что повѣдаетъ человѣкъ, дѣйствительно изъ мертвыхъ воскресшій... Таково сердце человѣческое, грѣхомъ омраченное: имѣя уши—человѣкъ не слышитъ!

Редакторъ.